

УДК 94(560)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ ТУРЦИИ В ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI в.

КУЛУЕВА Сабина Намеддиновна,

аспирант кафедры востоковедения, африканистики и исламоведения, Казанский (Приволжский) федеральный университет

АННОТАЦИЯ. Данная статья анализирует систему взглядов Партии справедливости и развития, пришедшей к власти в 2002 г. и являющейся правящей партией Турции на сегодняшний день. Автор статьи исследует причины политического долголетия партии, придерживающейся умеренно происламской позиции, сумевшей одержать победу на выборах три раза подряд. Большое внимание уделяется внешнеполитическому курсу ПСР и труду архитектора турецкой дипломатии XXI в. А. Давутоглу "Стратегическая глубина: международное положение Турции". В частности, исследуется политика неоосманизма и последствия попытки наладить взаимоотношения в регионе в соответствии с принципом "ноль проблем с соседями".

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Партия справедливости и развития, А. Давутоглу, Р.Т. Эрдоган, неоосманизм, внешняя политика Турции.

CONCEPTUAL PECULIARITIES OF TURKEY'S JUSTICE AND DEVELOPMENT PARTY DURING THE FIRST DECADE OF THE XXI CENTURY

Kulueva S.N.

Postgraduate Student of the Department of Oriental and Islamic Studies, Kazan Federal University

ABSTRACT. This article analyses Turkey's Justice and Development Party's system of thought. As it is acknowledged this party came to power in 2002 and since then it has been ruling. The author examines moderate pro-Islamic party's political longevity reasons which enabled it to win the national elections three straight times. Along with the foreign policy the work of so-called Turkish diplomacy architect Ahmet Davutoğlu which is called 'Strategic depth: Turkey's international position' are considered greatly. The paper focuses on neo-ottomanist policy and consequences of 'zero problems with the neighbours' principle which aims the improvement of political relations within the very region.

KEY WORDS: Justice and Development Party, A. Davutoğlu, R.T. Erdoğan, neo-ottomanism, zero problems with the neighbours.

За неполные сто лет партийная система Турции претерпела значительные изменения. На сегодняшний день она, эволюционировав из однопартийной в многопартийную, представляет собой сплав политических организаций различных ориентаций. Для последних трех десятилетий характерно правление происламских партий, пусть и в составе коалиционного правительства. Впервые данные организации наряду с партиями, придерживающимися националистических взглядов, включились в борьбу за власть в 1970-е гг. Особенностью таких партий, как Партия национального порядка, Партия национального спасения, Партия благоденствия, Партия добродетели, являлось стремление не только к политической реорганизации государства, но и к изменению внешнеполитического курса республики. Как свидетельствует история, любой значительный отход от заветов Кемала Ататюрка становился причиной вмешательства военных. Правление Партии благоденствия (Рефах) не стало исключением, ибо 28 февраля 1997 г. Неджметтин Эрбакан под давлением военного истеблишмента был вынужден распустить правительство. Партия

справедливости и развития (далее ПСР), которая считается преемницей Рефах через Партию добродетели (Фазилет), вот уже на протяжении 15 лет, составляя большинство в Великом национальном собрании, управляет республикой.

В научной литературе с каждым годом неуклонно растет количество трудов, посвященных феномену данной партии. Особую ценность представляют научные произведения аналитического характера. Турецкий исследователь А. Чинар в своей статье подвергает критике труды по данной теме за их субъективный характер. В частности, он отмечает, что «многие исследователи-туркологи имеют тенденцию использовать академические работы для продвижения и обоснования непосредственно своих идеологических позиций, нежели анализировать предмет с академической перспективы и остаться непредвзятыми по отношению к общественно-политическим явлениям» [1, с. 531]. Вместе с тем отметим, что работы по данной проблематике призваны раскрыть ключевые аспекты партии, благодаря которым партия консервативных взглядов сумела завоевать доверие турецкого народа и с 2002 г. выполнять данные ему обещания. Так, С. Васильева отмечает, что «ПСР позиционируется ее основате-

© Кулуева С.Н., 2017

лями как умеренно исламистская прозападная (ориентированная на вступление в ЕС) партия, являющаяся главной оппозиционной силой по отношению к старым светским партиям, которые привели страну к кризисам, сотрясавшим Турцию последние два десятилетия» [2, с. 77]. По мнению данного автора, народ дал зеленый свет ПСР на создание большинства в парламенте, надеясь на привнесение ею изменений во внутривнутриполитическую жизнь страны и неповторение событий прошлого. Здесь следует заметить, что во второй половине XX в. Турция пережила четыре военных переворота: в 1961 г., 1971 г., 1980 г., 1997 г.

Иным весомым аргументом в пользу ПСР служит тот факт, что члены партии учли последствия вмешательства военных в 1997 г. и закрытия партии Рефах в последующем году. В своей вводной речи на дискуссионной панели турецкого аналитического центра СЕТА бывший в то время заместителем премьер-министра Бюлент Арынч заметил, что постмодернистский переворот 28 февраля «открыл глаза на многое и именно после него многие сильно задумались об изменении принятых в Турции демократических и правовых стандартов, а он сам лично стал сторонником вступления Турции в ЕС» [3, с. 10]. Такой же точки зрения придерживаются известные исследователи истории Турции У. Хейл и Э. Озбудун, комментируя итоги негласного переворота следующим образом: «Многие бывшие политики, придерживающиеся исламистских взглядов, пришли к выводу, что попытка бросить вызов светскому правительству в Турции всегда заводит в тупик и несет с собой политические, экономические и индивидуальные риски» [4, р. 27]. В частности, пункт 2.5. «О демократизации и гражданском обществе» программы ПСР гласит, что «партия приложит все усилия по введению в наиболее краткие сроки изменений в национальное законодательство, требуемых в соответствии с Копенгагенскими критериями по вступлению в ЕС» [5, с. 26]. Официальные цифры трех последних выборов демонстрирует рост сторонников партии. На наш взгляд, неизменной частью электората партии является именно возвращенный благодаря либеральным экономическим реформам мелкий и средний класс предпринимателей Анатолии, или, по-другому, набобная буржуазия, которая в своей массе сумела наладить сотрудничество со странами Востока. Внешнеполитический курс ПСР, направленный на улучшение отношений с соседями, стал хорошим подспорьем для процветания отечественных промышленников. Ранее процитированный А. Чинар отмечает, что сильной стороной ПСР является умение приспосабливаться не только к внешним обстоятельствам, но и способность модифицировать себя изнутри. Так, по его мнению, «за все годы правления ПСР можно заметить, как эволюционировала программа самой партии: с 2002 по 2007 гг. приоритетной задачей было ускорение процесса по вступлению в ЕС, в то время как со второго срока правящая партия продемонстрировала крен в сторону консерватизма» [1, р. 538]. Таким образом, автор подчеркивает гибкость партии, отмечая ее способность подстраиваться под изменяющиеся обстоятельства.

Тем не менее в той же академической среде есть исследователи, весьма скептически настроенные относительно долголетия партии. Так, Л. Садыкова пишет, что «светская оппозиция за семь с небольшим лет четырежды подводила саму ПСР под угрозу ли-

бо военного переворота, либо запрета Конституционным судом» [6, с. 2]. Отрицательный прогноз как некий итог статьи автора на сегодняшний день утратил свою актуальность, потому как в последующие годы военные потерпят довольно сильное поражение (статья автора написана в 2009 г.). Попутно заметим, что порою непосредственно поступки высокопоставленных политических деятелей вызывают реакцию со стороны светских элементов. Показательным примером является то, что «А. Давутоглу, выступая перед преимущественно мусульманской аудиторией, часто обращается к ней "братья и сестры" и также нередко цитирует и Коран» [7, р. 11]. Аналогичный случай имел место и при Р.Т. Эрдогане, который «при вступлении на 11-м Джиддийском экономическом форуме использовал выдержки из Корана для критики некоторых мусульманских лидеров, в том числе М. Каддафи» [1, р. 539].

С обвинениями в попытке исламизировать общество представители партии всегда решительно не соглашались. Так, Р.Т. Эрдоган, выступая на международном симпозиуме, посвященном консерватизму и демократии, заявил, что «в то время как ПСР отдает должное исламу как социальной ценности, она не приемлет политический стиль, основанный на религии и направленный на трансформацию государства на почве идеологии. Такая политика вредит не столько социальной стабильности и политическому плюрализму, но и непосредственно религии. Существует огромная разница между партией, которая придает значение религии и верующим людям, а также принимает общественные функции религиозных ценностей, и партией, которая, используя свою власть и превратив религию в идеологию, стремится преобразовать общество» [4, р. 22].

Демонстрацией основательности позиций власти стало назначение на должность спикера Великого национального собрания после Б. Арынча, приверженца националистических взглядов, центриста К. Топтана. Кульминация противостояния светских и происламских элементов пришлась на 2004 г., когда правительство ввело некоторые изменения в Конституцию. В частности, была отменена ст. 143, приведшая к упразднению судов государственной безопасности. Затем после 2010 г. последовали такие громкие судебные разбирательства, как "Бальос" (с турецкого – "Молот") и "Эргенекон", где военным вменялось обвинение в попытке свергнуть действующую власть. Востоковеды по-разному интерпретируют данные шаги правительства. С одной стороны, вышеупомянутые события интерпретируются как действия властей по увеличению демократических свобод общества, направленных на обретение членства ЕС, а с другой – ПСР лишь усиливает происламскую позицию и готовит почву для более решительных мер в будущем.

Акцент ПСР на вступление Турции в ряды ЕС был важной частью предвыборной программы партии и является одной из важнейших целей внешнеполитического курса. Как пишет Дженк Сарачоглу, «объем научных статей как отечественных, так и зарубежных ученых, посвященных анализу внешней политики ПСР, почти сравнялся с количеством научных исследований по аналогичной теме по всем предыдущим периодам Турции». Понятие внешнеполитического курса Турции, как в самой республике, так и во всем остальном мире ассоциируется с архитектором турецкой дипломатии XXI в. Ахметом Давутоглу, в прошлом профессором универси-

тета Бейкент, в 2002–2009 гг. главным советником премьер-министра по внешней политике, а с 2009 г. – министром иностранных дел. Называя А. Давутоглу "серым кардиналом", The Economist пишет: «Он обладает настолько огромным закулисным влиянием, что Р.Т. Эрдоган и А. Гюль называют его "ходжа"» [8] (с турецкого – "учитель"). Особое внимание заслуживает его научная работа «Стратегическая глубина: международное положение Турции», в которой изложены позиции относительно взаимоотношений Турции с другими государствами. На основе непосредственного ознакомления с данной работой автор статьи пришла к выводу, что А. Давутоглу представляет научному сообществу тщательный анализ внешней политики не только Турции, но и Османской империи, который в целом носит назидательный характер, зачастую дает различные прогнозы относительно возможного сценария будущего. При рассмотрении республиканского периода политик пишет, что Турция была не активным, а пассивным актором региона, и сравнивает ее с винтиком или важным механизмом машины. В частности, распад СССР профессор называет событием глобального масштаба, имеющим как положительные, так и отрицательные итоги для дипломатических связей. Кроме того, советуя Турции стать дипломатически активной, А. Давутоглу открыто пишет, что количество не всегда есть качество, говоря, что показателем активности является улучшение отношений не с Пакистаном или Китаем, а с Сирией, Ираном, США, Германией. Нормализации политических отношений, по его мнению, предшествует этап налаживания экономических связей [9].

Считается, что «Стратегическая глубина» призвана превратить Турцию в образцовую мусульманскую страну, которая бы в будущем стала примером не только для стран Востока, но и для всего остального мира. Вероятнее всего, Турция рассчитывает тем самым противостоять усиливающейся в мире тенденции исламофобии. Бытует мнение, что данная работа стала ответом на идею о столкновении цивилизаций, ставшей центральной темой одноименного труда американского политолога С. Хантингтона. Также верным будет добавить, что работа А. Давутоглу является попыткой найти свой путь ведения внешней политики. Исчезновение советской угрозы побудило Турцию полностью перестроить внешнеполитический курс. 1990-е гг. характеризовались, с одной стороны, попыткой Турции продолжить тесное сотрудничество с Западом, а с другой стороны – стать лидером тюркского мира. Одним из сторонников позиции А. Давутоглу является И. Джем, бывший министр иностранных дел в 1997–2002 гг., который отмечает, что «Турция должна извлечь выгоду из своей исторической роли и культурной специфики. Попытка охарактеризовать нашу идентичность лишь на основе единственной культуры как лишь "западной" или исламской" является ошибочной. Немногие нации имеют превосходство обладать полицивилизационными особенностями, посему именно эту нашу особенность я пытаюсь использовать при претворении внешнеполитического курса» [7, р. 9].

При анализе «Стратегической глубины» нельзя не коснуться термина «неосманизм», или «неооттоманизм». Обозначая политику султанов Османской империи, претворяемую с 1815 г., термином «османизм», автор особо подчеркивает изменившиеся реалии международной дипломатии XIX в. и,

соответственно, приспособившийся характер внешнеполитического курса османского государства. В свою очередь понятие «неосманизм» А. Давутоглу использует в отношении внешней политики периода Т. Озала. Принимая во внимание отношение Кемаля Ататюрка к османскому прошлому и основы построения турецкого государства, всю политику лояльных отцу турок политиков, бывших у власти с 1938 г., невозможно не согласиться с точкой зрения А. Давутоглу. Именно Т. Озал, будучи по образованию экономистом, ставил во главу угла либерализацию отечественной экономики, а также как улучшение экономических связей со странами Запада, так и построение новых отношений с представителями ближневосточного региона. Кстатид, следствием последнего станет появление в Турции происламской анатолийской буржуазии. В то же время турецкий историк О. Ташпынар попытку Турции вести независимый от Запада курс и бюлгии национальные интересы именуем «турецким голлизмом» [10, s. 80]. Данная политика, по его мнению, по сравнению с тенденцией исламизации несет более серьезную угрозу для государства, потому как, отдаляясь и противопоставляя себя Западу, в Турции будут расти и укрепляться именно националистические взгляды, которые, как свидетельствует история, приводят к кризису.

А. Бурашникова под политикой неосманизма подразумевает не только превращение Турции в регионального лидера путем использования мягкой силы (культурные, социальные и экономические связи), но и увеличение своих территорий. Тем не менее она заключает, что «теория о возрождении Османской империи несостоятельна, так как серьезно задевает интересы соседних стран, с одной стороны, а с другой, у самой Турции недостаточно ресурсов для крупномасштабной экономической и социоидеологической экспансии» [11, с. 67]. Лишь отчасти соглашаясь с А. Бурашниковой, хотелось бы добавить, что, скорее всего, идея возродить Османскую империю не значит возродить ее территориально. Данная идея не может быть претворена в жизнь. Во-первых, сейчас как в Турции, так и на землях бывшей Османской империи выросли совершенно новые поколения, которые полностью утратили какую-либо связь с Османской империей. В самой Турции турецкий язык является очищенной формой османского, используется совершенно другой алфавит, иная система права, да и сами турки ассоциируют себя частью моноэтнического государства и считают своим бессменным лидером не Османа, а М.К. Ататюрка. Во-вторых, исчез институт халифата, который раньше объединял всех мусульман. В-третьих, налицо раскол среди государств региона, вначале вызванный собственно распадом империи, затем углубившийся ввиду арабо-израильского конфликта и неуклонно усилившийся в период противостояния капиталистической и коммунистической идеологии. Думается, что ПСР оперирует исламом для распространения влияния Турции на бывшие земли империи, ибо, если вспомнить из истории, глава империи одновременно являлся и султаном (носил светский титул), и халифом (верховным правителем всех мусульман). Власти Турции акцентируют внимание на религии как на связующем элементе, потому как таковыми на Ближнем Востоке не являются ни национальность, ни язык. Если ислам есть важный компонент Османской империи, читай историю, то выгодное геополитическое положение – важная составляю-

щая географии. Таким образом, происходит повторное возвращение к квинтэссенции "стратегической глубины" А. Давутоглу, призывающей Турцию соединить эти два элемента и проводить активную политику, перестать быть периферийным государством.

Если вначале концепция неоосманизма больше оставалась как некая теория, то со временем и сам министр иностранных дел открыто начал говорить о Турции как о преемнике Османской империи. Так, в газете Йени Шафак цитируется речь А. Давутоглу о видении внешней политики республики, где он, в частности, говорит: «У нас есть османское наследие. Многие называют нас неоосманами, и я признаю, мы и есть новые османы, ибо мы вынуждены сотрудничать со странами региона. Кроме того, происходит сближение со странами Северной Африки. Великие державы в недоумении, в особенности Франция. Я же в свою очередь распорядился, чтобы диппредставительства Турции в Африке открывали в самых живописных местах. Пусть Саркози, каждый раз поднимая голову, будет видеть здания посольств Турции и наш флаг» [12]. В том же выступлении он вспомнил свою беседу с Х. Клинтон, где она спрашивала, почему Турция проявляет настолько пристальный интерес к проблемам региона. На данный вопрос А. Давутоглу ответил следующим образом: «Посмотрев на территории, находящиеся в радиусе 1000 км от Турции, вы увидите, что там расположено около 20 государств, в то время как в радиусе 3000 км от США вы найдете намного меньше стран. Именно по данной простой причине мы обязаны заниматься проблемами региона» [12]. В данном случае мы видим, что министр иностранных дел Турции особо подчёркивает именно геополитическое расположение республики. А. Давутоглу в одном из многочисленных интервью на просьбу журналиста прокомментировать положение о том, что политика неоосманизма в соответствии с доктриной стратегической глубины нацелена на установление гегемонии над арабским миром, ответил: «Общая как для стран региона, так и для Турции история и география подталкивает нас активно реагировать на различные ситуации. У Турции нет каких-либо скрытых мотивов относительно судьбы региона. Наша главная цель – помочь в создании внутри региональных границ зону мира, стабильности и безопасности. Для определения характера взаимоотношений Турции с арабским миром правильнее будет употребить слово не "гегемония", а "взаимное сотрудничество"» [13]. Если рассмотреть историю ближневосточных стран с начала XX в., мы увидим, что в данном регионе всегда было много претендентов на роль лидера. В свое время ими являлись: Египет, Ирак, Сирия, Иран, Турция. Учитывая современные реалии, будет справедливым заметить, что после распада СССР эта тенденция не угасла. Для Турции путь к региональному лидерству лежит через политику неоосманизма. Данная политика нацелена на извлечение максимальной выгоды из геополитического положения страны, а точнее на превращение сильных сторон Турции в инструмент влияния на другие государства. Такое видение внешней политики с подачи Джозефа Ноя начали именовать политикой «мягкой силы», противостоящей концепции «жесткой силы», или, по-другому, силы принуждения. Автор концепции "мягкая сила" пишет, что сущностью мягкой силы является способность делать привлекательным достижение собственных целей, не применяя метод

кнута и пряника, который зиждется на трех ресурсах: культуре государства, политических ценностях и внешней политике [14, р. 5–11]. По мнению В. Аваткова, мягкая сила Турции заключается в том, что «многие функции внешнеполитического воздействия де-факто реализуют различные фонды, некоммерческие организации. Кроме того, Турецкая Республика старается перенести акцент с исключительно экономической кооперации на гуманитарные связи, при этом расширяет взаимодействие с соседними странами и стремится (правда, не всегда последовательно и успешно) к ослаблению зависимости от США» [15, с. 78].

Цитата Давутоглу из статьи для Форэн Полиси невольно подталкивает на сравнение современной Турции с Османской империей в рамках концепции неоосманизма: «Уникальные демографические реалии Турции оказывают влияние на ее видение внешней политики. Сейчас в Турции больше боснийцев, чем в Боснии и Герцеговине, албанцев, чем в Косово, чечен, чем в Чечне, абхазов, чем в Абхазском регионе Грузии, а также немало азербайджанцев и грузин, не учитывая значительное количество представителей этносов соседних земель. Именно по данной причине, конфликты, влияющие на данные народы, имеют прямое воздействие на внутривосточную ситуацию в Турции» [16]. Известно, что Мустафа Кемаль при учреждении республики основные направления политики выразил в принципе «Шести стрел», одной из которых является "национализм". Так, по мнению первого президента страны, Турция была унитарным государством с титульной нацией турок. Если вдобавок к этому вспомнить, что курды (второй по численности этнос Турции) были лишены культурных прав и не допускались в ВНСТ, ибо 10% проходной барьер был учрежден именно с данной целью, а также отметить, что курдов в научной литературе, особенно во второй половине XX в., принято было именовать «горными курдами», относя их к тюркам, станет ясным отношение власти к национальному вопросу. Попытка ПСР предоставить курдам культурные права, также наладить отношения со странами, чьи представители проживают на территории республики для достижения внутривосточной стабильности государства, безусловно, является показателем демократии. Тем не менее националистически настроенные элементы весьма недовольны данной позицией властей. По их мнению, такие меры изменят административно-территориальное устройство страны, а именно приведут к созданию федеративного государства, что в будущем повлечет за собой потерю Турцией территориальной целостности. Доля здравого смысла заключается в том, что такой сценарий на данный момент, хотя и кажется неперспективным, однако в будущем, после разрешения конфликта в Сирии, в котором курды играют не последнюю роль, может стать правдоподобным исходом. В частности, довольно жесткого взгляда относительно неоосманизма придерживается журналист газеты «Хабериниз» О. Челик. Сравнивая настоящую политику ПСР с политикой османских султанов, он замечает, что Османская империя была многонациональной и поликультурной, в то время как Турция есть родина турок, собственно, той нации, которая составляла ядро бывшей империи. Следовательно, неприемлемо проводить политику неоосманизма в государстве, где по численности преобладает одна нация. Свою статью он заканчивает фразой исключительно пессимистического ха-

рактера: «В настоящее время, прикрываясь маской неосоманизма, производится попытка превратить Турцию с ее унитарным и моноэтническим государственным устройством, обладающим единым флагом и одним языком, в страну, похожую на цветочный сад, состоящий из 36 отдельных этнических элементов, или на этническую мозаику» [17].

Рассматривая как положительные, так и отрицательные взгляды относительно политики ПСР, можно обнаружить противоречие. С одной стороны, действующая власть претворяет политику, напрямую не нарушающую заветов Ататюрка, а с другой стороны, А. Давутоглу, подмечая национальное многообразие современной республики, акцентирует внимание именно на сходстве Турции и Османской империи. Вместе с тем турецкий исследователь Э. Кайа согласует эти две позиции, отмечая, что «в то время как глобальные ориентиры Турции и основные цели внешней политики остались в неизменности, изменению подверглись лишь ее инструменты и методы. Так, по сравнению с предыдущими периодами, власти стремятся проводить более активный курс, акцентируют внимание на укреплении взаимосвязей посредством увеличения торговых отношений и усилении мягкой силы» [11, с. 74]. Отношения Турции с другими странами следовало улучшить, соблюдая предложенные А. Давутоглу пять принципов, а именно: баланс между свободой и безопасностью; ноль проблем с соседями; многомерная и многовекторная политика; дипломатия, основанная на стойкой гибкости; ритмичная дипломатия [18, р. 3].

Пристального внимания заслуживает краткая интерпретация второго из вышеназванных принципов, ставшего в академической литературе нарицательным словосочетанием. Именно с этим принципом напрямую связано то, что многие статьи, посвященные внешней политике Турции при правлении ПСР, зачастую в своих заголовках имеют такие понятия, как «овосточивание», «истернизация», «смена ориентиров», «смена парадигмы», «исламский ренессанс», «смещение оси». Согласно официальному документу, выставленному на сайте Министерства иностранных дел Турции, «достижение полного отсутствия проблем с соседями есть идеал, к которому правительство республики стремится, в то время как рациональная и прагматичная установка нацелена на минимизацию негатива во взаимоотношениях» [19]. А. Созен придерживается точки зрения, что рекомендованный А. Давутоглу курс наталкивается на ограничения, которые естественным образом затрудняют попытку ПСР воплотить его в полной мере. Этими сдерживающими факторами автор называет «исламистскую позицию ПСР в отношении внутренней политики и относительную нехватку финансовых ресурсов» [20, р. 120].

По нашему мнению, внешнеполитическая стратегия Турции, ориентированная посредством улучшения отношений со всеми странами на достижение мира не только в регионе, но и в мире, как раз столкнулась со сдерживающими факторами. Настолько стремительные изменения на внешнеполитическом фронте привели к тому, что, во-первых, во всем мире заговорили о некоей турецкой модели развития экономики, превращенной в "мягкую силу" и ставшей эффективным инструментом внешней политики. Данная тенденция привела к тому,

что турецкие власти переоценили свои возможности и допустили ряд ошибок в дипломатии. Во-вторых, в научной литературе начали появляться работы, которые задавались вопросом, «как экспортировать турецкий либеральный исламизм?» [21, р. 78], тем самым называли политический курс ПСР мировым прецедентом. Официальные власти считают, что следствием тезиса "ноль проблем с соседями" станет постепенное улучшение отношений не столько с соседями, но и с другими странами. Данный принцип уподобляется броску камня в воду, в результате которого с центра исходят волны, где роль камня отводится Турции, стремящейся изменить окружающую обстановку. Тем не менее нельзя не отметить, что попытка Анкары наладить отношения с соседними странами принесла свои положительные плоды. В частности, в первом десятилетии XXI в. была видна позитивная динамика во взаимоотношениях с Болгарией, Румынией, Россией, Грецией, Ираком, Сирией. Исключением являются неналаженные вопросы с Кипром и Арменией. Вместе с тем на внешнюю политику страны во многом влияет внутривластная обстановка. Если сравнить предшествующие периоды и первое десятилетие XXI в., то заметим, что на данном этапе как воззрения премьер-министра, так и взгляды президента совпадают, что дает большую маневренность и свободу ПСР. Кроме того, постепенно стабилизируется курдский вопрос. Вспомним, к примеру, тот факт, что Недждет Сезер первым из президентов Турции начал открыто говорить о наличии курдской проблемы и необходимости предоставить курдам равные права. Затем, уже во время второго срока правления партии, курды получили возможность вести теле- и радиовещание и получать образование на родном языке.

В заключение следует привести цитату А. Сотниченко, отмечающего, что «в 2002 г. в Турции произошло настоящее преодоление модерна, смена элит и создание новой идеологии, отвечающей всем требованиям современного миропорядка. ПСР отказалась от узкого исламизма, прямой антиамериканской, антиизраильской риторики своих предшественниц, провозгласила главной целью внешней политики вступление в ЕС, не занимается грубой ревизией истории республиканского периода» [22, с. 10]. Приход к власти в Турции партии с умеренно происламскими воззрениями стал весьма логичным и последовательным исходом политики Т. Озала. Думается, что обвинение действующей власти в последующей коренной реорганизации основ государства не имеет под собой почвы. Аргументом в пользу такой точки зрения служит, как было сказано ранее, отличие мусульман Турции от мусульман других стран региона, обусловленное особенностями политической истории республики. Кроме того, как показывает время, ПСР умеет приспосабливаться как к внешним, так и к внутренним обстоятельствам. Тем не менее партия будет находиться у власти до тех пор, пока окончательно не отойдет от первоначально заданной программы, ориентированной на укрепление гражданских, политических и социальных прав, достижение экономического благосостояния турецкого народа, улучшение отношений, в первую очередь, с соседними державами, и становление в качестве регионального лидера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Zinar, A. The justice and development party: Turkey's experience with islam, democracy, liberalism and secularism [Text] / A. Zinar // International Journal of Middle East Studies. – 2011. – No. 43. – Pp. 529–541.
2. Васильева, С. Партийная преемственность в Турции [Текст] / С. Васильева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 40. – С. 73–79.
3. “Bin yıllık darbe!”: 28 Şubat [Text] // SETA: siyaset, ekonomi ve toplum araştırmaları vakfı. – 2013. – Sayı: 5. – S. 5–30.
4. Hale, W. Islamism, Democracy and Liberalism in Turkey. The case of the AKP [Text] / W. Hale, E. Çzbudun. – Taylor & Francis e-Library, 2009. – 237 p.
5. Adalet ve Kalkınma Partisi. Kalkınma ve Demokratikleşme programı // TBMM Kütüphanesi, 2002. – 119 s. – (<https://acikerisim.tbmm.gov.tr/xmlui/bitstream/handle/11543/926/200205071.pdf?sequence=1&isAllowed=y>)
6. Садыкова, Л. Исламский «Ренессанс» в Турции на рубеже XX–XXI вв. [Text] / Л. Садыкова // Вестник МГИМО-Университета. – 2009. – № 5. – С. 1–9.
7. Arkan, Z. Enabling ‘ambitious activism’: Davutoğlu’s vision of a new foreign policy identity for Turkey [Text] / Z. Arkan, M. Kınacıoğlu // Turkish Studies. – 2016. – Vol. 17, Issue 3. – Pp. 381–405.
8. Turkey’s foreign policy: an eminence grise. The visionary behind Turkey’s newly assertive foreign policy // The Economist. – 2007. – (<http://www.economist.com/node/10146653#print>)
9. Davutoğlu, A. Stratejik derinlik: Türkiye’nin uluslararası konumu [Text] / A. Davutoğlu. – İstanbul: Küre Yayınları, 2001. – 584 s.
10. Kaya, E. Dış politika değişimi: AKP dönemi Türk dış politikası [Text] / E. Kaya // Karadeniz Sosyal Bilimler Dergisi. – 2015. – Sayı: 12, Cilt. 7. – S. 71–91.
11. Бурашникова, А. Неопантюркизм и неосманизм во внешней политике Турции / А. Бурашникова [Текст] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2013. – Т. 13, вып. 2. – С. 65–69.
12. Seven, E. Sarkozi gittiği her yerde bizi görecektir / E. Seven // Yeni Şafak. – 2009. – (<http://www.yenisafak.com/gundem/sarkozy-gittigi-her-yerde-bizi-gorecek-225129>)
13. Ahmet Davutoğlu Cairo Review’e konuştu // Netpano. – 2012. – (<http://arsiv.netpano.com/ahmet-davutoglu-cairo-reviewe-konustu>)
14. Nye, J.S. Soft power: the means to success in world politics [Text] / J.S. Nye. – New York: Publication Affairs, 2004. – 191 p.
15. Аватков, В. Неосманизм: базовая идеологема и геостратегия Турции [Текст] / В. Аватков // Свободная мысль. – 2014. – № 3. – С. 71–78.
16. Davutoğlu, A. Turkey’s Zero-problems foreign policy / A. Davutoğlu // Foreign Policy. – 2010. – (<http://foreignpolicy.com/2010/05/20/turkeys-zero-problems-foreign-policy/>)
17. Zelik, O. Yeni Osmanlılık projesine eleştirel bir bakış / O. Zelik // Haberiniz. – 2011. – (<http://haberiniz.com.tr/kose-yazisi/34973/yeni-osmanlilik-projesine-estirel-bir-bakis-osman-celik.html>)
18. Sızzen, A. Changing fundamental principles in Turkish Foreign policy making. Paper prepared for presentation at the 2006 Annual Conference of the International Studies Association in San Diego, USA, March 22 – 25 / A. Sızzen. – (https://www.academia.edu/275015/Changing_Fundamental_Principles_In_Turkish_Foreign_Policy_Making)
19. Komsularla Sıfır sorun politikamız // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – (<http://www.mfa.gov.tr/komsularla-sifir-sorun-politikamiz.tr.mfa>)
20. Sızzen, A. Paradigm Shift in Turkish Foreign Policy: Transition and challenges [Text] / A. Sızzen // Turkish Studies. – 2010. – No. 1, Vol. 11. – Pp. 103–123.
21. Yavuz, M.H. Secularism and Muslim democracy in Turkey [Text] / M.H. Yavuz. – New York: Cambridge University Press, 2009. – 301 p.
22. Сотниченко, А. Турция: геополитическая ось Евразии [Текст] / А. Сотниченко // Геополитика. Информационно-аналитическое издание. – 2011. – Выпуск IX. – С. 4–13.